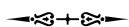

Содержание

Глава первая. УХОД ИЛИ БЕГСТВО?	9
Глава вторая. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ	53
Глава третья. СОНЕЧКА И ДЬЯВОЛ.	101
Глава четвертая. ГОЛОВА В ЧЕПЦЕ.	173
Глава пятая. НОВЫЙ РУССКИЙ	229
Глава шестая. МИЛЫЙ ДРУГ.	331
Глава седьмая. ЧЬЯ ВИНА?	381
Глава восьмая. КРАСИВЫЙ ИДОЛ.	443
Глава девятая. ОТЛУЧЕНИЕ И ЗАВЕЩАНИЕ	487
Глава десятая. ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ	593
ЭПИЛОГ	627
<i>Список источников</i>	633

*Все мы храбримся друг перед другом и забываем,
что все мы, если мы только не любим, —
жалки, прежалки. Но мы так храбримся
и прикидываемся злыми и самоуверенными,
что сами попадаемся на это и принимаем больных
цыплят за страшных львов...*

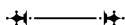
Из письма Льва Толстого
В. Г. Черткову

Глава первая

УХОД ИЛИ БЕГСТВО?

В ночь с 27 на 28 октября 1910 года* в Крапивенском уезде Тульской губернии произошло событие невероятное, из ряда вон выходящее даже для такого необычного места, как Ясная Поляна, родовое имение знаменитого на весь мир писателя и мыслителя — графа Льва Николаевича Толстого. Восьмидесятидвухлетний граф ночью тайно бежал из своего дома в неизвестном направлении в сопровождении личного врача Маковицкого.

ГЛАЗА ГАЗЕТ

Информационное пространство того времени не сильно отличалось от нынешнего. Весть о скандальном событии мгновенно распространилась по России и по всему миру. 29 октября из Тулы в Петербургское телеграфное агентство (ПТА) стали поступать срочные телеграммы, на следующий день перепечатанные газетами. «Получено было поразившее всех известие о том, что Л. Н. Толстой в сопровождении доктора Маковицкого неожиданно покинул Ясную Поляну и уехал. Уехав, Л. Н. Толстой оста-

* Все даты приводятся по старому стилю. — *Здесь и далее примеч. авт.*

вил письмо, в котором сообщает, что он покидает Ясную Поляну навсегда”.

Об этом письме, написанном Л.Н. для спавшей жены и переданном ей наутро их младшей дочерью Сашей, не знал даже спутник Толстого Маковицкий. Он сам прочитал об этом в газетах.

Оперативнее всех оказалась московская газета “Русское слово”. 30 октября в ней был напечатан репортаж собственного тульского корреспондента с подробной информацией о том, что произошло в Ясной Поляне.

“Тула, 29, X (*срочная*). Возвратившись из Ясной Поляны, сообщаю подробности отъезда Льва Николаевича. Лев Николаевич уехал вчера, в 5 часов утра, когда еще было темно.

Лев Николаевич пришел в кучерскую и приказал заложить лошадей.

Кучер Адриан исполнил приказание.

Когда лошади были готовы, Лев Николаевич вместе с доктором Маковицким, взяв необходимые вещи, уложенные еще ночью, отправился на станцию Щекино.

Впереди ехал почтарь Филька, освещая путь факелом.

На ст. Щекино Лев Николаевич взял билет до одной из станций Московско-Курской железной дороги и уехал с первым проходившим поездом.

Когда утром в Ясной Поляне стало известно о внезапном отъезде Льва Николаевича, там поднялось страшное смятение. Отчаяние супруги Льва Николаевича, Софьи Андреевны, не поддается описанию”.

Это сообщение, о котором на следующий день говорил весь мир, было напечатано не на первой полосе, а на третьей. Первая полоса, как в то время было принято, была отдана рекламе всевозможных товаров.

“Лучший друг желудка вино Сен-Рафаэль”.

“Некрупные осетры рыбами. 20 копеек фунт”.

Получив ночную телеграмму из Тулы, “Русское слово” тут же отправило своего корреспондента в Хамовнический дом Толстых (сегодня — дом-музей Л. Н. Толстого между станциями метро “Парк Культуры” и “Фрунзенская”). В газете надеялись, что, быть может, граф бежал из Ясной Поляны в московскую усадьбу. Но, пишет газета, “в старом барском доме Толстых было тихо и спокойно. Ничто не говорило о том, что Лев Николаевич мог приехать на старое пепелище. Ворота на запоре. Все в доме спят”.

Вдогонку по предполагаемому пути бегства Толстого был отправлен молодой журналист Константин Орлов, театральный рецензент, сын последователя Толстого, учителя и народовольца Владимира Федоровича Орлова, изображенного в рассказах “Сон” и “Нет в мире виноватых”. Он настиг беглеца уже в Козельске и тайно сопровождал его до Астапова, откуда сообщил телеграммой Софье Андреевне и детям Толстого, что их муж и отец серьезно болен и находится на узловой железнодорожной станции в доме ее начальника И. И. Озолина.

Если бы не инициатива Орлова, родные узнали бы о местопребывании смертельно больного Л. Н. не раньше, чем об этом сообщили все газеты. Нужно ли говорить, насколько больно это было бы семье? Поэтому, в отличие от Маковицкого, который расценил деятельность “Русского слова” как “сыщицкую”, старшая дочь Толстого Татьяна Львовна Сухотина, по ее воспоминаниям, была “до смерти” благодарна журналисту Орлову.

“Отец умирает где-то поблизости, а я не знаю, где он. И я не могу за ним ухаживать. Может быть, я его больше

и не увижу. Позволят ли мне хотя бы взглянуть на него на его смертном одре? Бессонная ночь. Настоящая пытка, — впоследствии вспоминала Татьяна Львовна свое и всей семьи душевное состояние после «бегства» (ее выражение) Толстого. — Но нашелся неизвестный нам человек, который понял и сжалился над семьей Толстого. Он телеграфировал нам: «Лев Николаевич в Астапове у начальника станции. Температура 40°».

Вообще, надо признать, что по отношению к семье и, прежде всего, к Софье Андреевне газеты вели себя более сдержанно и деликатно, чем в отношении яснополянского беглеца, каждый шаг которого беспощадно отслеживался, хотя все газетчики знали, что в прощальной записке Толстой просил: не искать его! “Пожалуйста... не ездите за мной, если и узнаете, где я”, — писал он жене.

“В Белеве Лев Николаевич выходил в буфет и съел яичницу”, — смаковали газетчики скоромный поступок вегетарианца Толстого. Они допрашивали его кучера и Фильку, лакеев и крестьян Ясной Поляны, кассиров и буфетчиков на станциях, извозчика, который вез Л. Н. из Козельска в Оптинский монастырь, гостиничных монахов и всех, кто мог что-нибудь сообщить о пути восьмидесятидвухлетнего старца, единственным желанием которого было убежать, скрыться, стать невидимым для мира.

“Не ищите его! — цинично восклицали «Одесские новости», обращаясь к семье. — Он не ваш — он всех!”

“Разумеется, его новое местопребывание очень скоро будет открыто”, — хладнокровно заявляла “Петербургская газета”.

Л. Н. не любил газеты (хотя следил за ними) и не скрывал этого. Иное дело — С. А. Жена писателя прекрасно понимала, что репутация мужа и ее собственное репутация волею-неволею складываются из газетных публика-

ций. Поэтому она охотно общалась с газетчиками и давала интервью, разъясняя те или иные странности поведения Толстого или его высказываний и не забывая при этом (в этом была ее слабость) обозначить и свою роль при великом человеке.

Поэтому отношение газетчиков к С. А. было, скорее, теплым. Общий тон зададо “Русское слово” фельетоном Власа Дорошевича “Софья Андреевна”, помещенным в номере от 31 октября. “Старый лев ушел умирать в одиночестве, — писал Дорошевич. — Орел улетел от нас так высоко, что где нам следить за полетом его?!” (Следили, да еще как следили!) С. А. он сравнивал с Ясодарой, молодой женой Будды. Это был несомненный комплимент, потому что Ясодара была ни в чем не повинной в уходе своего мужа. Между тем злые языки сравнивали жену Толстого не с Ясодарой, а с Ксантиппой, супругой греческого философа Сократа, которая будто бы изводила мужа сварливостью и непониманием его мировоззрения.

Дорошевич справедливо указывал на то, что без жены Толстой не прожил бы такой долгой жизни и не написал бы своих поздних произведений. (Хотя при чем тут Ясодара?)

Вывод фельетона был такой. Толстой — это “сверхчеловек”, и его поступок нельзя судить по обычным нормам. С. А. — простая земная женщина, которая делала всё, что могла, для своего мужа, пока он был просто человеком. Но в “сверхчеловеческой” области он для нее недоступен, и в этом ее трагедия.

“Софья Андреевна одна. У нее нет ее ребенка, ее старца-ребенка, ее титана-ребенка, о котором надо думать, каждую минуту заботиться: тепло ли ему, сыт ли он, здоров ли он? Некому больше отдавать по капельке всю свою жизнь”.

С. А. читала фельетон. Он ей понравился. Она была благодарна газете “Русское слово” и за статью Дорошевича, и за телеграмму Орлова. Из-за этого можно было не обращать внимания на мелочи, вроде неприятного описания внешнего вида жены Толстого, которое дал тот же Орлов: “Блуждающие глаза Софьи Андреевны выражали внутреннюю муку. Голова ее тряслась. Одета она была в небрежно накинутый капот”. Можно было простить и ночную слежку за московским домом, и весьма неприличное указание на сумму, которую потратила семья, чтобы нанять отдельный поезд от Тулы до Астапова, — 492 рубля 27 копеек, и прозрачный намек Василия Розанова на то, что Л. Н. убежал всё-таки от семьи: “Узник ушел из деликатной темницы”.

Пробежав по заголовкам газет, освещавших уход Толстого, мы обнаружим, что слово “уход” в них встречалось редко. “ВНЕЗАПНЫЙ ОТЪЕЗД...”, “ИСЧЕЗНОВЕНИЕ...”, “БЕГСТВО...”, “TOLSTOY QUILTS HOME” (“ТОЛСТОЙ ПОКИДАЕТ ДОМ”).

И дело здесь отнюдь не в желании газетчиков “подогреть” читателей. Событие само по себе было скандальным. Дело в том, что обстоятельства исчезновения Толстого из Ясной, действительно, куда больше напоминали бегство, чем величественный уход.

НОЧНОЙ КОШМАР

Во-первых, событие случилось ночью, когда графиня крепко спала.

Во-вторых, маршрут Толстого был столь тщательно засекречен, что впервые о его местонахождении она узнала только 2 ноября из телеграммы Орлова.

В-третьих (о чем не знали ни газетчики, ни С. А.), маршрут этот, во всяком случае, его конечная цель, были неведомы самому беглецу. Толстой ясно представлял себе, откуда и от чего он бежит, но куда направляется и где будет его последнее пристанище, он не только не знал, но старался об этом не думать.

В первые часы отъезда только дочь Толстого Саша и ее подруга Феокритова знали, что Л. Н. намеревался посетить свою сестру, монахиню Марию Николаевну Толстую в Шамординском монастыре. Но и это в ночь бегства стояло под вопросом.

“Ты останешься, Саша, — сказал он мне. — Я вызову тебя через несколько дней, когда решу окончательно, куда я поеду. А поеду я, по всей вероятности, к Машеньке в Шамордино”, — вспоминала А. Л. Толстая.

Разбудив ночью первым доктора Маковицкого, Толстой не сообщил ему даже этой информации. Но главное — не сказал врачу, что уезжает из Ясной Поляны навсегда, о чем сказал Саше. Маковицкий в первые часы думал, что они едут в Кочеты, имение зятя Толстого М. С. Сухотина на границе Тульской и Орловской губерний. Толстой не раз выезжал туда последние два года, один и с женой, спасаясь от наплыва посетителей Ясной Поляны. Там он брал, как он выражался, “отпуск”. В Кочетах жила его старшая дочь — Татьяна Львовна. Она, в отличие от Саши, не одобряла желания отца уйти от матери, хотя и стояла в их конфликте на стороне отца. В любом случае, в Кочетах от С. А. было не скрыться. Появление же в Шамордине было менее вычисляемо. Приезд в православный монастырь отлученного от церкви Толстого был поступком не менее скандальным, чем сам уход. И наконец, там Толстой вполне мог рассчитывать на поддержку и молчание сестры.

Бедный Маковицкий не сразу понял, что Толстой решил уехать из дома навсегда. Думая, что они отправляются на месяц в Кочеты, Маковицкий не взял с собой всех своих денег. Не знал он и о том, что состояние Толстого в момент бегства исчислялось пятьюдесятью рублями в записной книжке и мелочью в кошельке. Только во время прощания Толстого с Сашей Маковицкий услышал о Шамордине. И только когда они сидели в коляске, Толстой стал советоваться с ним: куда бы подальше уехать?

Он знал, кого брать с собой в спутники. Надо было обладать невозмутимой натурой и преданностью Маковицкого, чтобы не растеряться в этой ситуации. Маковицкий немедленно предложил ехать в Бессарабию, к рабочему Гусарову, который жил с семьей на своей земле. “Л. Н. ничего не ответил”.

Поехали на станцию Щекино. Через двадцать минут ожидался поезд на Тулу, через полтора часа — на Горбачево. Через Горбачево в Шамордино путь короче, но Толстой, желая запутать следы и опасаясь, что С. А. проснется и настигнет его, предложил ехать через Тулу. Маковицкий отговорил: уж в Туле-то их точно узнают! Поехали на Горбачево...

Согласитесь, это мало похоже на уход. Даже если понимать это не буквально (ушел пешком), а в переносном смысле. Но именно буквальное представление об уходе Толстого и по сей день греет души обывателей. Непременно — пешком, темной ночью, с котомкой за плечами и палкой в руке. И это — восьмидесятидвухлетний старик, хотя и крепкий, но очень больной, страдавший обмороками, провалами памяти, сердечными перебоями и расширением вен на ногах. Что было бы прекрасного в таком “уходе”? Но обывателю почему-то приятно воображать, что великий Толстой вот так просто взял и ушел.

В книге Ивана Бунина “Освобождение Толстого” с восхищением цитируются слова, написанные Толстым в прощальном письме: “Я делаю то, что обыкновенно делают старики моего возраста. Уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и в тиши последние дни своей жизни”.

Обыкновенно делают старики?

С. А. тоже обратила внимание на эти слова. Едва оправившись от первого шока, вызванного ночным бегством мужа, она стала писать ему письма с мольбами вернуться, рассчитывая на посредничество в их передаче третьих лиц. И вот во втором письме, которое Толстой не успел прочитать, она возражала ему: “Ты пишешь, что старики уходят из мира. Да где ты это видал? Старики крестьяне доживают на печке, в кругу семьи и внуков свои последние дни, то же и в барском и всяком быту. Разве естественно слабому старику уходить от ухода, забот и любви окружающих его детей и внуков?”

Она была неправа. Уход стариков и даже старух был обыкновенным делом в крестьянских домах. Уходили на богомолье и просто — в отдельные избушки. Уходили доживать свой век, чтобы не мешать молодым, не быть попрекаемым лишним куском, когда участие старого человека в полевых и домашних работах было уже невозможным. Уходили, когда в доме “поселялся грех”: пьянство, раздоры, неестественные половые связи. Да, уходили. Но не бежали ночью от старой жены с согласия и при поддержке дочери.

Вернемся в роковую ночь с 27 на 28 октября и проследим шаг за шагом, как уходил Толстой.

Записки Маковицкого:

“Утром, в 3 ч., Л. Н. в халате, в туфлях на босу ногу, со свечой, разбудил меня; лицо страдальческое, взволнованное и решительное.